

должна была получить обоснование в рамках представлений о линейном, а не циклическом направлении развития человечества, т.е. оказаться связанной с идеей прогресса. Примером таких представлений, например, была картина «человеческого рода, освобождённого от всех его цепей, избавленного от власти случая, как и от господства его врагов прогресса и шествующего шагом твердым и верным по пути истины, добродетели и счастья», нарисованная Ж.А. Кондорсэ в его знаменитом «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума»⁵⁴.

Таким образом, проблематика дискурса реформ, сформулированная в обсуждаемой книге, открывает широкую исследовательскую перспективу и очерчивает новые направления исследовательского поиска. Конечно, предложенные в сборнике решения применительно к истории России пока едва ли можно назвать во всём верными. Однако подчас формулировка вопроса оказывается не менее важной, чем предложенные ответы.

Виктор Захаров: Когда в России началось Новое время?

Обсуждаемая книга представляет собой собрание крайне интересных очерков по достаточно конкретным вопросам осуществления реформ на Западе и Востоке Европы. Каждый из текстов заслуживает отдельного отклика, но все они не случайно объединены в книге, которая имеет очевидный общий замысел. Составителям – М.М. Крому и Л.А. Пименовой – удалось добиться определённого не только тематического, но и идейного единства всей публикации, что далеко не всегда присуще книгам, имеющим подзаголовок «сборник статей».

Авторы вполне определённо соотносят феномен реформ с эпохой Нового времени. Разумеется, систематические правительственные мероприятия, которые можно назвать «реформами», осуществлялись в разные эпохи и во всех странах, но именно в Новое время, в отличие от Средневековья, процесс реформ во многом составлял стержень самой эпохи. Таким образом, материалы книги работают на консолидацию представлений о Новом времени как о целостной эпохе в истории человечества. В книге собраны материалы по истории Европы в XVI–XVIII вв., что понимается авторами как «начало Нового времени»; об этом свидетельствует название книги и текст предисловия. Однако само предисловие имеет заглавие, где употребляется понятие «раннее Новое время». Как же более точно сказать о XVI–XVIII вв.? Видимо, лучше назвать эту эпоху «ранним Новым временем», так как трудно представить себе «начало», растянувшееся на три столетия. Правда, возникает вопрос, как тогда именовать следующий период, охватывающий, по-видимому, XIX и начало XX в.? Позднее Новое время? Кажется, здесь есть ещё, над чем подумать.

Актуальность книги состоит и в компаративистском методе рассмотрения феномена реформ. Авторы постоянно ведут активное сопоставление реформ в странах Западной и Восточной Европы. Правда, восток Европы представляет в книге только Россия, с которой сопоставляются страны Запада: Англия, Франция, Испания, Швеция. Полезно было бы дополнить книгу статьями по истории реформ в странах, являвшихся непосредственными западными соседями

⁵⁴ Кондорсэ Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С. 258.

России – Речи Посполитой и владениях Габсбургов. Включение материалов по этим странам позволило бы получить более многоцветную картину осуществления реформ на европейском континенте, найти ещё одно звено, соединяющее Запад и Восток Европы. Кроме того, польский опыт реформ XVII–XVIII вв. был скорее неудачным, нежели успешным, поскольку необходимые преобразования либо запаздывали, либо не проводились вовсе, что и привело к гибели Речи Посполитой в конце XVIII в. Обращение к истории реформ и деятельности реформаторов в Польше стало бы ценным дополнением компаративистского анализа, предпринятого в книге, позволило бы увидеть причины большей результативности преобразований у западных и восточных соседей Польско-Литовского государства.

Небезынтересно и обращение авторов книги к XVI в. Судя по всему, именно это время видится началом перехода к Новой истории, что не может вызвать существенных возражений, если иметь в виду страны Западной Европы. Но верно ли это в отношении России? В предисловии, написанном М.М. Кромом и Л.А. Пименовой, проводится мысль об определённом сходстве процесса реформ на Западе и в России в XVI в. Это сходство видится в восприятии и идеологическом обосновании реформ, которые повсеместно понимались как восстановление утраченных добрых старых порядков, поскольку «на западе и на востоке Европы новизна представлялась не благом, а скорее злом». Думается, это верно, прежде всего, по отношению к России. Что касается стран Западной Европы, то многие из них вступили в это время на путь целенаправленного обновления в ходе глубокой религиозной реформы (Реформация), а некоторые переживали и всплеск национально-освободительного движения (борьба Нидерландов против Испании). В России же «до сих пор не удалось отыскать ни одного настоящего... реформатора XVI в.». Поэтому можно говорить об асинхронности вступления в эпоху Новой истории разных стран на Западе и Востоке Европы.

Материалы по истории России в книге посвящены в основном XVIII в., тогда как в очерках о странах зарубежной Европы в большинстве случаев идет речь о более раннем времени – XVI или XVII столетиях. Причём в том и в другом случае рассматриваются вопросы, типологически близкие. Это также позволяет говорить о некоторой подвижности хронологической границы Новой истории. Ясно, что в России данная эпоха наступает позже, чем в Западной Европе. Наиболее очевидной гранью является начало реформ Петра I, хотя есть основания видеть начало Нового времени в России в XVII в. Не случайно именно тогда возникло слово «новины» (т.е. нововведения), хотя этот термин употреблялся главным образом в полемике сторонников реформ патриарха Никона и старообрядцев.

О континуитете между XVII в. и эпохой петровских преобразований прямо говорится в статье О.Е. Кошелевой и Е.Н. Наседкина. Авторы правы в том, что на протяжении XVIII столетия сохраняли своё значение многие нормы и практики предшествующей эпохи. Можно добавить, что они были даже более действенными по сравнению с рядом надуманных и формальных нововведений Петра I (например, касавшихся введения в городах категорий «регулярных» и «подлых» граждан, учреждения Бурмистерских палат и прочих оставшихся нежизнеспособными институтов). Большое значение имел в этой связи и акт об отмене местничества в 1682 г., который хотя и утратил в правление Петра I своё практическое значение, поскольку в первой четверти

XVIII в. подобные вопросы решались гораздо более радикально, но был связан с последующей эпохой в качестве существенной предпосылки дальнейших реформ.

С другой стороны, степень преемственности петровской и допетровской эпох не следует преувеличивать. В дискуссии по упомянутой статье Д.О. Серов отметил, что Соборное уложение 1649 г. в XVIII в. оставалось «центральным звеном, основой законодательства». Думается, что это значение вплоть до вступления в силу Свода законов Российской империи оставалось скорее формальным. Соборное уложение в своё время было масштабной кодификацией реально сложившихся правил, во многом опиравшихся на традицию и прежнее законодательство. Наибольший реформационный потенциал в нём содержит в первую очередь глава 19 «О посадских людях», нормы которой сохранялись и в XVIII в. Также сохраняли своё значение первые две главы Уложения, которые манифестировали исключительную роль православной веры и особый сакральный статус православного монарха. Впрочем, эти положения были для России в течение веков идеологическими константами, и не могут рассматриваться в контексте феноменологии реформ. Во многих других отношениях Уложение уже не могло удовлетворять реформаторов XVIII в. и недаром при Петре I и при его преемниках постоянно возникал вопрос о разработке нового Уложения. По большому счёту, мы сталкиваемся здесь с диалектикой прерывности и непрерывности, которая всегда имеет место на стыке даже самых крупных и, казалось бы, разных эпох.

Не остался без внимания авторов и весьма важный в данном контексте вопрос о трансфере моделей и практик преобразований в рамках общеевропейского реформационного процесса. На этот счёт хотелось бы высказать замечание. Большую роль в подобных трансферах играют люди, которые приносят в другие страны свой опыт. В России начала XVIII в. это десятки людей иностранного происхождения: военные, учёные, бюрократы, входившие в окружение Петра Великого. В рассматриваемой книге этому аспекту реформ посвящена только статья Я.И. Прокопенко о Г. Фике. Причём роль этого «политического инженера» осталась не до конца выясненной. Приводимые факты ещё раз свидетельствуют о его деятельности по «переносу» в Россию опыта Швеции в государственном строительстве и организации работы государственного аппарата. Нужно сказать, что в отечественной историографии существует уже давняя традиция уделять большое внимание именно шведскому опыту в организации коллегий Петра I. Деятельность Г. Фика при этом является одним из главных аргументов. Однако, во-первых, нельзя недооценивать роль других европейских стран, прежде всего Англии, Нидерландов, Франции, германских городов и земель, с которыми при Петре I существовали уже налаженные контакты и откуда прибывало множество специалистов. Нельзя не вспомнить и о Великом посольстве, а также о так называемом Втором большом путешествии Петра I в Западную Европу в 1716–1717 гг. Во-вторых, сама Швеция была в ту эпоху страной, куда осуществлялся аналогичный трансфер. Его носителями являлись и многочисленные немецкие дворяне, служившие шведским королям и входившие в элиту шведского общества. Можно сказать, что в Швеции распространялся опыт соседних западноевропейских стран, в том числе и германских земель. Он же мог переноситься затем в Россию. Тот же Г. Фик вовсе не был шведом, а происходил из Гамбурга, долгое время состоял на службе в голштинском городе Экернфьорде.